

УДК 81'25

DOI: 10.15593/2224-9389/2018.3.9

И.В. Скуридина

Получена: 21.05.2018

Принята: 18.06.2018

Опубликована: 11.10.2018

Пермский национальный исследовательский
политехнический университет,
Пермь, Российская Федерация

ПЕРЕВОДЧЕСКОЕ ИНТЕРВЬЮ КАК САМОСТОЯТЕЛЬНЫЙ ЖАНР МЕТАПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Обсуждается проблема метапереводческой деятельности, которая сопровождает собственно перевод и является одним из видов профессиональной деятельности переводчика. Если в зарубежной лингвистике для обозначения данного вида деятельности используются термины «paratranslation» и «paratraduction», то в отечественных исследованиях используются термины «метаперевод» и «метатекст», научное обоснование которых содержится в работах В.Б. Кашкина. Актуальность предпринятого исследования обусловлена тем, что развитие когнитивной лингвистики и когнитивного переводоведения выдвинули на первый план языковую личность, ее интеллект, ее когнитивные способности, ее менталитет и пр. В этом аспекте особый интерес вызывает изучение метатекста и метаперевода, создаваемых переводчиком как активным субъектом межъязыковой, межкультурной, межличностной коммуникации, что мы обозначили в качестве цели исследования. Материалом исследования послужили интервью переводчиков, опубликованные в работе Е. Калашниковой «По-русски с любовью». В работе представлено около ста интервью как с мэтрами жанра, так и с их молодыми коллегами, которые принадлежат различным научным переводческим школам и реализуют различные переводческие стратегии. Для исследования интервью как самостоятельного жанра метатекста и метаперевода были изучены функции переводческого метатекста, выявленные в диссертационном исследовании Н.А. Пластининой «Лингвокогнитивные механизмы порождения метатекста». В своем эмпирическом анализе мы опирались на следующие функции переводческого метатекста: функция комментирования произведения, функция авторской интенциональности, функция освещения эпохи автора, функция валоризации текста перевода, экспликативная функция, функция речевого воздействия, интродуктивная функция, функция актуализации переводческой деятельности. Как показал анализ, все восемь функций релевантны для переводческого интервью, что позволяет сделать вывод о принадлежности переводческого интервью к жанрам метапереводческой деятельности.

Ключевые слова: когниция, метатекст, метаперевод, метапереводческая деятельность, переводческое интервью, функция метатекста.

I.V. Skuridina

Received: 21.05.2018

Accepted: 18.06.2018

Published: 11.10.2018

Perm National Research Polytechnic University,
Perm, Russian Federation

TRANSLATION INTERVIEW AS AN INDEPENDENT FORM OF METATRANSLATION ACTIVITY

The paper discusses the issue of metatranslation activity, which accompanies the translation proper and is one of the professional activities of a translator. While in foreign linguistics the terms “para” and “paratraduction” are used to denote this type of activity, in Russian studies the terms “metatranslation” and “metatext” are used, the scientific justification of which is contained in the works of V.B. Kashkin. The relevance of the undertaken research is determined by the fact that the development of cognitive linguistics

and cognitive translation studies has advanced the linguistic personality, its intellect, its cognitive abilities, its mentality, etc. In this aspect, the study of metatext and metatranslation created by the translator as an active subject of interlingual, intercultural, interpersonal communication is of special interest, which we have designated as the object of the study. We took as the material of the study the interviews with translators published in the work of E. Kalashnikova "In Russian with love". The work embraces about one hundred interviews, both with masters of genre and with their young colleagues belonging to different scientific schools of translation and following different translation strategies. To study the interview as an independent form of metatext and metatranslation we investigated the functions of the metatext translation described in the dissertation by N.A. Plastinina "Linguistic and cognitive mechanisms of metatext generation". In our empirical analysis, we relied on the following functions of the translation metatext: the function of commenting on the work, the function of the author's intentionality, the function of lighting the author's epoch, the function of valorization of the translated text, the explicative function, the speech impact function, the introduction function, the function of the translation activity actualization. As the analysis showed, all eight functions are relevant for a translator's interview, which allows us to conclude that the translator's interview belongs to the forms of metatranslation activity.

Keywords: *cognition, metatext, metatranslation, metatranslation activity, translation interview, metatext function.*

В области переводческой деятельности особое место принадлежит когнитивным исследованиям, которые «незримо» сопровождают собственно перевод. Речь идет о таких жанрах, как переводческое предисловие или послесловие, комментарии к переводу, сноски, внутритекстовые примечания, размышления переводчиков о переводе, переводческие мемуары, фильмы о переводчиках, переводческие интервью и др.

Несмотря на то, что существование обозначенных жанров известно давно, их научное исследование началось после двухтысячных годов, что позволило ученым вычленить самостоятельное направление исследований под общим названием «метаперевод» или «метапереводческая деятельность». Отметим, что термин «метаперевод» в отечественной науке был введен В.Б. Кашкиным [1], в то время как в европейском переводоведении приняты термины *paratranslation* (англ.) и *paratraduction* (фр.), что в переводе на русский означает *напарперевод*. Авторами данных терминов являются J.Y. Frias и G. Genette.

Предметом нашего исследования в рамках данной статьи является переводческое интервью, которое мы рассматриваем как самостоятельный жанр метатекста и метаперевода. В своей работе мы основываемся на результатах исследований Н.А. Пластининой, которая изучала метапереводческую деятельность, представленную в виде переводческих предисловий/послесловий к художественному тексту [2]. Материалом для анализа явились метатексты на русском языке к переводным художественным произведениям классической и современной англоязычной литературы. Автор разработал лингвокогнитивную модель переводческого метатекста, основанную на изучении квантов смысла и функций переводческого предисловия. Наибольшую значимость для нашего исследования представляет описание функций метатекста, что мы покажем ниже.

Мы опираемся также на работы М.П. Котуровой, которая относит предисловие и послесловие к периферийному типу текста [3]. В качестве материала для анализа мы использовали работу Е. Калашниковой «По-русски с любовью: Беседы с переводчиками» [4]. Автор приводит многочисленные

интервью с отечественными переводчиками, что позволяет описать состояние русского перевода на рубеже XX–XXI веков. Мы рассматриваем данный тип текстов в качестве метатекста.

Как поясняет М.П. Котурова, с позиций функциональной стилистики различают основные тексты и периферийные тексты. К периферийным текстам целого произведения ученый относит следующие: заглавие, оглавление, предисловие, введение, послесловие, заключение, выводы, аннотации [5]. Как поясняет автор, периферийные тексты представляют собой относительно самостоятельные произведения, которые в обобщенной форме отражают содержание основного текста, при этом, «несмотря на избыточность в собственно эпистемическом отношении, периферийные тексты необходимы в отношении коммуникативном» [5, с. 231]. В этом автор видит функцию периферийных текстов.

Но если в работах М.П. Котуровой основной акцент сделан на специфике периферийных текстов целого научного произведения, то в работах В.Б. Кашкина [1] особое внимание уделяется периферийным текстам, создаваемым переводчиками, что позволяет обозначить их как метатексты или как метапереводы. Ученый выстраивает номенклатуру таких метатекстов, которые по своей сути близки к периферийным текстам, что позволило нам рассматривать их в единстве, а также отнести все переводческие метатексты к периферийным текстам в их общелингвистическом освещении.

В работах В.Б. Кашкина содержится лингвокогнитивное обоснование метатекста. Интерес к изучению метатекста ученый обосновывает стремлением переводчика к зеркальному отражению переводческой деятельности, взгляду на себя со стороны, к рассуждениям о переводе, к мнениям и представлениям о переводе и пр. Ученый описывает различные жанры метаперевода, среди которых ученый упоминает переводческие интервью, ставшие предметом нашего исследовательского интереса.

Как отмечает В.Б. Кашкин [1], материал для метакогнитивного исследования переводческой деятельности может дать, среди прочих, такой жанр, как интервью. Ученый ссылается на трактовку понятия «клиническое интервью», предложенную Ж. Пиаже. Автор работ по психологии интеллекта Ж. Пиаже рассматривает клиническое интервью как форму гибкой, индивидуальной, межсубъектной беседы, цель которой состоит в выявлении уровня рассуждений и логики ребенка. На основании данных положений В.Б. Кашкин приходит к выводу о том, что межсубъектная беседа, или интервью с переводчиком, позволит исследователям проникнуть в сознание переводчика, что расширит наши представления о переводе.

Необходимо отметить, что исследования в данном направлении только начинаются, поэтому изучение особенностей метапереводческой деятельности представляется актуальным и перспективным ввиду обращения ученых к языковой личности, ее менталитету, ее когнитивным способностям, ее интел-

лекту – тем аспектам исследования, которые находятся в русле современной когнитивной лингвистики. Особое внимание отечественные ученые уделяют рефлексивной деятельности переводчика, которая лежит в основе любого метатекста. В исследованиях С.А. Корольковой обсуждается проблема соотношения рефлексии и перевода [6].

В своих исследованиях мы основываемся на идеях синергетики, сформулированных впервые Г. Хакеном [7]. Ученый утверждает, что синергетическая идеология позволяет объяснить процесс возникновения новых смыслов в различных сложных системах, к числу которых можно отнести систему перевода.

Лингвистическое обоснование синергетики содержится в трудах Н.В. Дрожжих [8], которая анализирует взаимодействие языка, культуры, а также когнитивных характеристик языковой личности, включая менталитет и речемыслительную деятельность.

Лингвосинергетическая парадигма может быть положена в основу изучения метапереводческой деятельности, что позволит описать лингвокогнитивные механизмы как самого перевода, так и метапереводческой деятельности.

Всестороннее исследование метапереводческой деятельности в трудах отечественных ученых связано с развитием когнитивной лингвистики, одной из актуальных задач которой является выявление лингвокогнитивных механизмов интеллектуальной деятельности языковой личности. В работах Н.К. Рябцевой развивается идея рассмотрения перевода как культурного и когнитивного явления. Исследуя проблему переводческого мышления, ученый отмечает, что предметом рассуждения переводчика является, среди прочих, когнитивная/эпистемическая информация, «предполагающая принципы распознавания проблемы в переводе» [9, с. 64]. Среди этих принципов Н.К. Рябцева выявляет следующие: 1) «способность извлекать из исходного текста смысл и выражать его адекватными, синонимичными средствами другого языка; 2) распознавание случаев «перевод без вариантов»; 3) способность соединять слова идиоматично/аутентично, в соответствии с нормами языка перевода...» [9, с. 64]. Автор приходит к выводу о том, что переводческое мышление есть мышление в межъязыковом аспекте.

Принципиальным для понимания лингвокогнитивных механизмов перевода является разграничение концептосферы и семантического пространства языка. Как отмечают в своей работе И.А. Стернин и З.Д. Попова, «концептосфера – это чисто мыслительная сфера, состоящая из концептов, существующих в виде мыслительных картинок, схем, понятий, фреймов, сценариев, гештальтов...» [10, с. 62]. При этом семантическое пространство языка является частью концептосферы, выражаемой совокупностью значений языковых знаков. Изучая семантическое пространство языка, мы познаем концептосферу народа, тем самым мы переходим от языковой картины мира к когнитивной. Следовательно, в процессе изучения и сопоставления языковых картин мира,

свойственных различным языковым личностям, мы приходим не только к пониманию различных средств языковой объективации мира, но и к объяснению интеллектуальной деятельности человека, его когнитивных способностей.

Проблемы когнитивной семантики рассматриваются Н.Н. Болдыревым [11]. Обращаясь к сопоставлению данных разных языков, ученый отмечает, что «формирование, понимание и интерпретация языковых значений всегда и обязательно происходит в рамках конкретной, культурно обусловленной концептуальной системы, а не с позиций абстрактной, общей картины мира...» [11, с. 80]. Ученый приходит к выводу, что культурологический анализ является одновременно и когнитивным, концептуальным анализом.

Мы можем сказать, что культурологические концепции перевода являются когнитивными концепциями, поэтому изучение культурной специфики текстов, принадлежащих различным культурам, целесообразно проводить методами когнитивного анализа, с позиций когнитивного подхода.

Когнитивные механизмы перевода также становятся предметом специального рассмотрения [12]. В ходе рассмотрения переводческой гармонии как проявления гармоничного переводческого мировоззрения авторы статьи показывают, что переводческая когниция актуализируется в ходе межъязыковой и межкультурной коммуникации, обуславливая активизацию интеллектуальных усилий личности переводчика, творческое решение поставленных задач и постановку новых задач. Что касается выявления когнитивных механизмов перевода, одним из таких механизмов является приращение новых смыслов, что согласуется с идеями синергетики перевода, о которых мы писали выше.

Лингвокогнитивные механизмы переводческого метатекста, представленного жанром предисловия и послесловия, изучены, как мы говорили выше, Н.А. Пластиной [2]. В рамках данной работы нас интересуют выявленные автором кванты смысла и функции переводческого предисловия/послесловия. В качестве квантов смысла выступают следующие семантические параметры: аттракторы текста оригинала, признание автора, контекстуализация, реконтекстуализация, оправдание перевода, апеллирование к читателю, рекомендации к прочтению, переводческий комментарий [13]. Автором выявлены также функции переводческого предисловия: функция комментирования произведения, функция авторской интенциональности, функция освещения эпохи автора, функция валоризации текста перевода, экспликативная функция, функция речевого воздействия, интродуктивная функция, функция актуализации переводческой деятельности [13].

В результате проведенного нами предварительного анализа текстов переводческих интервью мы предположили, что кванты-смыслы, значимые для переводческого предисловия, почти не представлены в интервью, что обусловлено другим предназначением данного периферийного текста. Что касается выявленных исследователем функций, они достаточно эксплицитно выражены в анали-

зируемых нами текстах. Именно функциональные параметры переводческого предисловия и переводческого интервью сближают данные жанры метатекста.

Приступим к анализу переводческих интервью, используя описанные выше функциональные параметры. Поясним, что в качестве материала для последующего анализа переводческих интервью были использованы беседы с известными современными отечественными переводчиками художественной литературы, представленные в книге Е. Калашниковой «По-русски с любовью: беседы с переводчиками» [4].

1. Функция комментирования произведения.

Из интервью с Э.В. Венгеровой (с. 117):

– *Почему вы решили переводить для театра?*

– *Я, как и Аристотель, считаю драматургию высшим родом литературы.*

Данная функция способствует установлению ценностей контактирующих культур.

2. Функция авторской интенциональности.

Из интервью с Н.М. Демуровой, переводчика «Алисы в стране чудес» (с. 202):

– *Когда я начала переводить «Алису», один мой приятель, большой любитель литературы, сказал: «Зачем ты за нее взялась? Какая это неприятная книга! В ней есть что-то патологическое...» В те дореволюционные годы переводы не издавали, так что я придумывала новый метод: но мне хотелось передать особый дух книги, с его шутками, игрой и гротеском, но при этом обойтись без русификации.*

Представленная функция характеризует активную позицию переводчика.

3. Функция освещения эпохи автора.

Из интервью с Н.М. Демуровой (с. 203):

– *А Вам не обидно, что Вас воспринимают именно как переводчика «Алисы»?*

– *Я спокойно отношусь к своей репутации, а то, что мое имя соединяют с Кэроллом, мне кажется большой удачей. Этот перевод, который позже опубликовали с комментариями Мартина Гарднера и моими в «Литературных памятниках», стал, как говорят, «культовой» книжкой. Что ж, я очень рада. Кэролл, конечно, это заслужил. Я до сих пор занимаюсь Кэроллом, в частности, перевела его «Русский дневник». Это дневник, который он вел во время своего путешествия в Россию в 1867 году. Он скоро выйдет в издательстве «Согласие»*

Из интервью с С.М. Гаспаровым (с. 152):

– *Готовясь к переводу нового автора, стараетесь ли вы узнать о нем побольше?*

– *Не то слово, я обязан знать все.*

4. Функция валоризации текста перевода.

Из интервью с Э.В. Венгеровой (с. 121):

- Как Вы понимаете, что перевод получился?
- Читать легко.

Переводчик подчеркивает значимость автора оригинала.

5. Экспликативная функция.

Из интервью с Н.С. Мавлевич (с. 322):

- Какой он, современный переводчик?
- Мне кажется, перевод – это мышление картинками. Когда-то Аверинцев сказал, что профессия толмача построена по принципу подобных треугольников, то есть должна обеспечивать адекватность ассоциаций. Самое главное в переводе, его зерно – это степень свободы и точности. Думаю, переводчик времен Кирилла и Мефодия, по сути, мало отличался от современного.

В данном случае дано объяснение сущности работы переводчика, независимо от того, к какой эпохе он принадлежит.

6. Функция речевого воздействия.

Из интервью с С.М. Немцовым (с. 379):

- А как же воздействие на читателя?
- А причем здесь воздействие? Ответственность писателя заканчивается, когда он ставит последнюю точку (как сказал Станислав Лем о Набокове), а переводчика – с публикацией перевода...»

Отметим, что представленный выше пример отрицает воздействие переводчика на читателя. В реальной переводческой практике это воздействие трудно переоценить.

7. Интродуктивная функция.

Из интервью с Е.А. Костюкович (с. 277):

- Согласны ли Вы с тем, что первая страница перевода слабее остальной работы, потому что переводчик только вживается в переводимое произведение?

– Первая слабее второй, вторая слабее третьей, есть правила, которые выкристаллизовываются к сотой, но так как все переписывается сто раз, то никакой первой не существует. Я вообще перевожу всегда первый кусок текста в последнюю очередь.

В данном случае переводчик раскрывает технологию своей деятельности.

8. Функция актуализации переводческой деятельности.

Из интервью В.Г. Вотриным (с. 148):

- Что для Вас перевод?
- Есть в этом что-то от чувства того человека, который, сидя на мачте, первым видит землю. Ее потом и другие увидят, но сначала услышат его крик. Переводчик открывает новые земли. Правда, бывает иногда иной

раз так, что его не слышат, и тогда кажется, что мачта – в пустыне... Но обязательно быть первым.

Данная функция раскрывает размышления переводчика о своей профессии, о ее уникальности, социальной значимости.

Таким образом, мы представили основные функции переводческого метатекста в жанре переводческого интервью.

Размышляя о том, к какому жанру относятся тексты переводческих интервью, автор данной работы Е. Калашникова полагает, что, согласно классической иерархии, интервью относятся к маргинальным жанрам. На самом деле, переводческое интервью – равноправный жанр периферийного текста, получивший название метатекст. К жанру метатекста относятся многие другие разновидности текстов, что ни в коей мере не умаляет их значимости. Скорее наоборот, современные лингвистические исследования, мощным импульсом для которых послужили идеи когнитивизма и антропоцентризма, придают особое значение именно таким жанрам, в которых проявляется и выражается языковая личность, в частности, языковая личность переводчика. Будучи самостоятельным речевым жанром, переводческое интервью определяет «дискурсивное поведение языковой личности» [14]. Как мы наблюдали при анализе переводческих интервью, их множественные функции раскрывают сущность полифункциональной деятельности языковой личности переводчика, которую нам предстоит изучить в свете современных достижений когнитивной лингвистики и когнитивного переводоведения. Данные положения соответствуют идеям, изложенным Л.В. Кушниной в статье «Теория перевода как междисциплинарная антропология» [15]. Как подчеркивает автор статьи, «...включение компонента «антропо-» в современную транслятологию позволит понять истинное предназначение всех интеллектуально-эмоциональных человеческих усилий, обеспечивающих качественную межличностную коммуникацию представителей различных лингвокультур и их полноценное взаимопонимание» [15, с. 52].

Таким образом, в результате анализа функций метатекста и метаперевода на материале переводческих интервью, мы приходим к выводу о том, что переводческое интервью является самостоятельным жанром метапереводческой деятельности, а исследование метатекста и метаперевода расширяет наши представления о когнитивной деятельности языковой личности переводчика.

Список литературы

1. Кашкин В.Б. Метакогнитивные исследования перевода // Десятые Федоровские чтения. Университетское переводоведение. – СПб., 2009. – Вып.10. – С. 230–242.
2. Пластинина Н.А. О современном состоянии проблемы метатекста в отечественной лингвистике // Литературоведение и языкознание: современные трансформации и традиции: сб. науч. тр. – М., 2017. – С. 32–38.
3. Котюрова М.П. Стилистика научной речи. – М., 2010. – 240 с.

4. Калашникова Е. По-русски с любовью. Беседы с переводчиками. – М., 2008. – 608 с.
5. Котюрова М.П., Баженова Е.А. Культура научной речи: текст и его редактирование. – Пермь, 2007. – 282 с.
6. Королькова С.А. Рефлексия и перевод // Вестник Волгоград. ун-та. Сер. 2. Языкознание. – 2014. – С. 46–52.
7. Хакен Г., Хакен-Крелль М. Тайны восприятия / пер. с нем. А.Р. Логунова. – М., 2002. – 272 с.
8. Дрожжих Н.В. Синергетическая модель интеграции иконических единиц разных уровней: диахрония. – Тюмень, 2006. – 256 с.
9. Рябцева Н.К. Прикладные проблемы переводоведения: лингвистический аспект. – М.: Флинта, 2013. – 224 с.
10. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. – М., 2007. – 314 с.
11. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику. – Тамбов, 2014. – 236 с.
12. Кушнина Л.В., Ушакова О.О., Криворучко А.И. Когнитивные механизмы перевода // Вопросы когнитивной лингвистики. – Тамбов, 2016. – № 3. – С. 85–95.
13. Кушнина Л.В., Пластинина Н.А. Метапереводческая деятельность как когнитивный процесс // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2016. – № 7 (61). – Ч. 1. – С. 118–120.
14. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожинной. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 696 с.
15. Кушнина Л.В. Теория перевода как междисциплинарная антропология // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. – 2014. – № 10. – С. 45–53.

References

1. Kashkin V.B. Metakognitivnye issledovaniia perevoda [Metacognitive research into translation]. *Desiatye fedorovskie chteniia. Universitetskoe perevodovedenie*. Saint Petersburg, 2009. Vol. 10, pp. 230–242.
2. Platinina N.A. O sovremennom sostoianii problemy metateksta v otechestvennoi lingvistike [On current state of metatext issues in Russian linguistics]. *Literaturovedenie i iazykoznanie: sovremnyye transformatsii i traditsii*. Moscow, 2017, pp. 32–38.
3. Kotiurova M.P. Stilistika nauchnoi rechi [Stylistics of scientific discourse]. Moscow, 2010, 240 p.
4. Kalashnikova E. Po-russki s liubov'iu. Besedy s perevodchikami [In Russian with love. Talks with translators]. Moscow, 2008, 608 p.
5. Kotiurova M.P., Bazhenova E.A. Kul'tura nauchnoi rechi: tekst i ego redaktirovanie [Culture of scientific discourse: text and its editing]. Perm, 2007, 282 p.
6. Korol'kova S.A. Refleksii i perevod [Reflection and translation]. *Vestnik Volgogradckogo universiteta. Ser. 2. Iazykoznanie*, 2014, pp. 46–52.
7. Haken H., Haken-Krell M. Erfolgsgeheimnisse der Wahrnehmung. Synergetik als Schlüsselschlüssel zum Gehirn [Russ. ed.: Khaken G., Khaken-Krell' M. Tainy vospriiatiia. Moscow, 2002, 272 p.].

8. Drozhashchikh N.V. Sinergeticheskaja model' integratsii ikonicheskikh edinit raznykh urovnei: diakhroniia [Synergetic model of integrating iconic units of various levels: diachrony]. Tyumen, 2006, 256 p.

9. Riabtseva N.K. Prikladnye problemy perevodovedeniia: lingvisticheskii aspekt [Applied issues in translation studies: linguistic aspect]. Moscow, Flinta, 2013, 224 p.

10. Popova Z.D., Sternin I.A. Kognitivnaia lingvistika [Cognitive linguistics]. Moscow, 2007, 314 p.

11. Boldyrev N.N. Kognitivnaia semantika. Vvedenie v kognitivnuiu lingvistiku [Cognitive semantics. Introduction into cognitive linguistics]. Tambov, 2014, 236 p.

12. Kushnina L.V., Ushakova O.O., Krivoruchko A.I. Kognitivnye mekhanizmy perevoda [Cognitive mechanisms of translation]. *Voprosy kognitivnoi lingvistiki*, 2016, no. 3, pp. 85–95.

13. Kushnina L.V., Platinina N.A. Metaperevodcheskaia deiatel'nost' kak kognitivnyi protsess [Meta-translation activity as a cognitive process]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. Tambov, Gramota, 2016, no. 7(61), part 1, pp. 118–120.

14. Stilisticheskii entsiklopedicheskii slovar' russkogo iazyka [Stylistic encyclopedic dictionary of Russian language]. Ed. M.N. Kozhia. Moscow, Flinta, Nauka, 2003, 696 p.

15. Kushnina L.V. Teoriia perevoda kak mezhdistsiplinarnaia antropologija [Translation studies as interdisciplinary anthropology]. *PNRPU Linguistics and Pedagogy Bulletin*, no. 10, 2014, pp. 45–53.

Сведения об авторе

СКУРИДИНА Ирина Владимировна

e-mail: udir@list.ru

Кандидат психологических наук, доцент кафедры иностранных языков и связей с общественностью, Пермский национальный исследовательский политехнический университет (Пермь, Российская Федерация)

About the author

Irina V. SKURIDINA

e-mail: udir@list.ru

Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Department of Foreign Languages and Public Relations, Perm National Research Polytechnic University (Perm, Russian Federation)